

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА “ЖАДНОСТЬ” КАК ПРАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ В РУССКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

У статті наводиться аналіз особливостей структури концепту “жадібність” як компонента російської політекономічної картини світу й складової системи морально-етичних норм православ'я. Розглядається прагматичний аспект функціонування концепту в російській політекономічній картині світу. Концепт досліджується за допомогою методик когнітивного й прагматичного аналізу й асоціативного експерименту.

Ключові слова: жадібність, концепт, політекономічна картина світу, система морально-етичних норм, прагматичний аспект.

The article provides the analysis on the peculiarities of the structure of the concept “greed” as a component of Russian politico-economic world mapping as well as a component of the Orthodox system of moral and ethical norms. The pragmatic aspect of the concept's function in the politico-economic world mapping is the focus of the research. The concept is analysed by means of methodic of cognitive and pragmatic analysis and the methodic of associative experiment.

Key words: greed, concept, politico-economic world mapping, the system of moral and ethical norms, pragmatic aspect.

В современном мире вопросы экономики, политики и человеческого взаимодействия в рамках политэкономической картины мира приобрели особую актуальность. Экономический кризис последних лет и сопутствующие ему явления (инфляция, дефляция, безработица) стали стимулом к изучению политэкономии как комплексной психологически, культурно, социально и морально-этически детерминированной сферы человеческой жизни. Многочисленные исследования экономистов (Дж. Милль, Р. Хайлбронер, А. Пригожин), философов (Н. Бердяев,), психологов (А. Фенько, Б. Райзберг), лингвистов (Ю. Степанов, А. Шмелев, С. Тер-Минасова) показывают, что

политэкономическая картина мира тесно взаимосвязана с этическими, культурными установками каждой конкретной нации и детерминирована этосом народа: ценностями, убеждениями и нормами определенной культуры [1:58].

Одним из наиболее характерных примеров этой взаимосвязи являются морально-этические концепты — компоненты политэкономической картины мира (*жадность, щедрость, расточительность* и т. д.), содержательные слои которых обуславливают их принадлежность концептосфере политэкономии и концептуальной системе этики и морали. Культурнообусловленная компонента этих концептов, их частотное употребление в ежедневном общении людей, а также прагматические особенности их использования в речи (в качестве характеристики, выражения эмоций и т. д.) определяют их актуальность для сознания современного представителя русской лингвокультуры.

Целью данного исследования является конструирование фрагмента русской политэкономической картины мира путем определения особенностей ее взаимосвязи с морально-этическими представлениями русского народа. Задача исследования состоит в выявлении специфических когнитивных признаков концепта “жадность” как морально-этического концепта и компонента русской экономической картины мира и особенностей объективации этого концепта в качестве прагматически значимой характеристики (в качестве оценки, его употребление в целях проявления речевой агрессии, инвективы).

Взаимосвязь экономической формации общества и системы морально-этических норм отмечается исследователями на протяжении нескольких столетий, начиная с трудов Платона, Аристотеля, Конфуция (*Бережливость не есть добродетель* (Аристотель) [2:41]; *Богатство и знатность составляют предмет человеческих желаний, но благородный муж ими не пользуется, если они достались незаконным путем* (Конфуций) [3:188]). Сегодня все чаще экономические по своей сути исследования систем капитализма и социализма называют “социальной философией”, “философией от мира сего”, подчеркивая их взаимосвязь с системой ценностей нации. А. И. Пригожин в трактате “Дезорганизация” отмечает, что именно социально-культурная бедность, отсутствие определенных ценностей (“ценностное голодание”) в этическом сознании вызывает материальную бедность и упадок экономики [1:158]. В свою очередь, определенные экономические условия способствуют изменению структуры и способа функционирования морально-этических концептов. Так, например,

под влиянием системы капитализма и определяющему ее протестантскому мировоззрению [4] такие концепты, как *удовольствие, наслаждение, накопительство, роскошь*, которым ранее в русской лингвокультуре были присущи негативные коннотации, приобрели статус положительных в сознании современной русской молодежи (об этом свидетельствуют современные неофразеологизмы и рекламные слоганы: *Не парься, расслабься; Имидж — все; И пусть весь мир подождет; Полюби себя; Ты этого достойна; Получи удовольствие*).

Значимость концепта в картине мира представителя определенной культуры определяется сложностью структуры концепта, наличием в ней нескольких содержательных слоев, а также оценочной / ценностной компоненты. В реальной коммуникации место вербальных репрезентантов концепта отображается диверсификацией сфер словоупотребления номинальной лексической единицы, а также наличием эмоционально окрашенных оттенков (коннотаций). С точки зрения прагматики значимость концепта определяется способностью лексической единицы выражать различные оттенки значений, отвечающие целям говорящего (информирование, поддержание связи, конфликт).

К прагматическим индексам значимости концепта можно отнести следующие классификационные признаки: 1) наличие коннотаций (позитивных / негативных); 2) наличие лексем — номенов концепта, — относящихся к различным разрядам лексических единиц (книжная речь, бытовая, жаргонная и т. д.); 3) функционирование концепта в качестве оценки какого-либо предмета (явления) [5:16].

Согласно исследованиям культурологов и лингвистов, представляя собой культурно и прагматически значимую единицу концептосферы русского сознания, концепт “жадность” является одним из ключевых фрагментов русской политэкономической картины мира. Как отмечает О. Е. Карачина, наблюдающийся сегодня в русском обществе интерес к таким экономическим и морально-этическим концептам, как “жадность” и “щедрость”, имеет совершенно иное основание, чем, например, в английском, и “проистекает из усугубляющейся экономической и социальной поляризации общества, порождающей класс очень бедных и класс очень богатых людей, отношения между которыми могут регулироваться лишь на основе этических, нравственных ценностей, а не коммерческих соображений” [6:2].

По наблюдению Б. А. Райзберга, жадность является экономическим мотивом, детерминирующим человеческое поведение, од-

нако наряду с ним на человека воздействуют мотивы социальные, морально-этические, неэкономические, культивируемые культурой, средой, социальной атмосферой [7:140]. В то же время определение признаков жадности и ее “количественного” выражения варьируется от культуры к культуре и не имеет четкой дефиниции.

С целью определения культурно значимых когнитивных признаков концепта “жадность” в русской экономической картине мира мы проанализировали смысловую и ассоциативный слои концепта, а также его прагматическую “нагруженность”: ситуации словоупотребления лексемы “жадность”, в которых проявляется эмоциональная окрашенность концепта и сопутствующие когнитивные признаки. Для осуществления поставленной цели были проанализированы устойчивые когнитивные признаки концепта, характерные для русской лингвокультуры, зафиксированные в данных словарей (нами использовались толковые словари и словари синонимов), а также с целью выявления новообразованных или модифицированных компонентов концепта был проведен ассоциативный эксперимент.

По данным словарей, лексема “жадность” вербализует следующие когнитивные компоненты соответствующего концепта:

Жадность — 1) стремление удовлетворить непомерные желания, даже при условии нарушения морально-этических норм и установок (*жадность, прожорливый, ненасытный, алчность*); 2) нежелание отдавать, делиться (*жлоб, жмот, скупердяй, скупой, прижимистый, скаредный*); 3) чрезмерная экономия, бережливость (*скряга, крохобор, Плюшкин, сквалыга, скопидом*).

Концепт “жадность” в русском языке представлен следующими синонимическими рядами:

1) Свойство характера / поведения: *корыстолюбие, скупость; алчба, жадничанье, сквалыжничество, крохоборчество, скаредность, скопидомничество, хищность, жлобство, алчность, расчетливость, прожорливость, скопидомство, скряжничество, своекорыстие, крохоборство, жлоба, ненасытность, жмотство, прижимистость, скупердяйство.*

2) Характеристика человека: *копеечник, гомзила, скупердяй, скаред, сквалыга, скряга, скупой, скважина, выжига, жлоб, жмот, жидомор, сквалыжник, скупец, скаредник, скареда, скалдырник, крохобор, гарпагон, алтынник, жадюга, жила, Плюшкин, скопидом.*

3) Характерный признак: *алчный, ненасытный, неутолимый, обжорливый, прожорливый, заgreбистый, заgreбущий, корыстолюбивый;*

скупой; падкий, охочий; длиннорукий, за копейку удавится, расчетливый, жмотский, сквалыжный, хищный, хапливый, жадненький, жаднющий, завидующий, скалдырный, жаднущий, все мало, зимой снегу не выпросишь, прижимистый, жор напал, жор пошел, глаза завидующие, руки загребущие, голодный, ненаедный, ненапасный, руки загребущие, крохоборческий, скаредный, зажимистый, в крещенье льду не выпросишь, огня займы не выпросишь.

Как видим, наиболее широко представленной категорией является “характерный признак”, в которую входят лексические единицы, служащие для описания особенностей человеческого поведения. Заметим, что все лексемы имеют негативные коннотации. В целом, высокие количественные показатели репрезентантов исследуемого концепта согласуются с самой природой языкового сознания, в котором аномальные явления представлены несравненно более богато и разнообразно, чем нормативные. “Язык склонен скорее обвинять человека, чем подчёркивать его соответствие норме” [8]. Следует также отметить наличие большого количества смысловых оттенков в представленных синонимичных рядах, свидетельствующих о значимости и рекуррентности данного концепта в его различных семантических модификациях для русской культуры. Большинство синонимов представляет гипертрофированный образ “жадности”, что выражается как на лексическом (*ненасытный, прожорливый, ненаедный*), морфологическом уровнях (суффиксы –ущ, –ющ: *загребущий, жаднущий*), так и в наличии большого количества фразеологизмов (*руки загребущие, в крещенье льду не выпросишь, все мало, жор напал*).

Таким образом, в “исконно русском” представлении, сформированном русской культурой и закреплённом в русской политэкономической картине мира, *жадность* является крайне негативным признаком, характеризующим человека как чрезмерно любящего материальные блага, стремящегося потреблять их в большом / большем количестве и не желающем делиться чем бы то ни было. Эти когнитивные признаки не соответствуют канонам православной морали, определяющей, по мнению большинства исследователей (М. Вебер, Н. Бердяев, Ю. Степанов), основные ценности русской культуры. “Жадность” и человек, характеризующийся как жадный, осуждается, считается антисоциальным явлением. “Жадным” быть нехорошо и стыдно — это проявляется на прагматическом уровне в наличии лексем со значением пренебрежения, осуждения, инвектив (*жадина, жадюга, жмот, жлоб, скупердяй, сквалыга, скряга*).

Характерным компонентом данного концепта в русской лингвокультуре является наличие когнитивного оттенка “мелочность”, выражаемого лексемой *жадностький*. Смысловой и оценочный анализ показывает, что в данном словоупотреблении прослеживается неодобрительное отношение к носителю признака, но сам признак не гипертрофирован как, например, в лексеме *жаднощий*. На наш взгляд, компонент “мелочность” выделяет специфику русской лингвокультуры, в которой стремление собрать, накопить материальные средства, нежелание отдать, израсходовать, истратить (что поощряется в капиталистической формации протестантской системой мировоззрения) есть не проявление бережливости и экономности, а считается “жадностью” и осуждается.

Как пишет А. Д. Шмелев, то, что у других народов считается бережливостью, в русской лингвокультуре часто определяется как “жадность” [9:88]. В то же время русская щедрость часто определяется в других культурах как расточительность и часто ассоциируется с русским культурным концептом “широта души”. Ученый связывает это явление с характерной чертой русского характера, описываемой исследователями В. Плунгяном и Е. Рахилиной как “центробежность”, свойственная проявлениям “русского духа”, отталкивание от середины, связь с идеей чрезмерности и безудержности (это выражается в популярных в русскоязычной среде поговорках “*Какой русский не любит быстрой езды*”, “*Если пир, то пир горой*”, “*Воровать, так по-крупному*”). Согласно сказанному, в русской лингвокультуре отсутствует представление о “промежуточном” понятии между “жадностью” и “щедростью” — все, что не классифицируется как “щедрость”, концептуализируется как “жадность” в разной степени проявления признака (русские часто говорят: “*Не будь мелочным*”, даже если речь идет о значительных материальных благах) [10].

С целью выявления новых когнитивных признаков концепта, характерных для политэкономической картины мира современного представителя русской лингвокультуры, нами был проведен ассоциативный эксперимент. Как утверждает И. А. Стернин [11], исследование ассоциативного поля лексической единицы позволяет выявить имплицитные компоненты значения, часто несущие эмоционально-оценочную нагрузку. Для выявления базовых признаков концепта в первой части эксперимента были опрошены дети 3–6 лет. Информантам было предложено назвать ассоциации на стимул “жадный”.

По результатам эксперимента, основным признаком “жадности” является нежелание делиться чем-либо с кем-либо (чаще всего с самим информантом): *это человек, который не делится; Саша, потому что он никогда не дает мне ничего; это когда не хочет делиться ни с кем.*

“Жадность” ассоциируется чаще с мужским полом, чем с женским (реакции на стимул “жадность” — *мужчина, грабитель*), во всех реакциях прослеживаются негативные коннотации, негативные характеристики проявления жадности (*жадный человек — плохой; это когда он невоспитанный*).

Таким образом, в представлении детей (определяемом базовыми культурными концептами) — носителей русской лингвокультуры — концепту “жадность” присущи негативные коннотации, основной когнитивный признак — нежелание делиться материальными благами.

Аналогичный эксперимент был проведен со взрослыми респондентами. Полученные результаты можно представить в следующих смысловых категориях (ассоциации представлены по мере убывания частотности):

1) Предметы-символы: *деньги, мешок, кошелек, сундук на замке, золото.*

2) Сопутствующие “жадности” явления и состояния: *одиночество, боль, серость, плесень, холод.*

3) Персоналии: *Гобсек, Плюшкин, Кощей Бессмертный.*

4) Социальная, возрастная характеристика человека: *скряга, политик, жид (еврей), старуха, бабка, жмот, помещик, банкир, жлоб, ростовщик.*

5) Классифицирующие признаки и смежные (синонимичные) понятия: *ненасытная, человеческая, скупость, алчность, коварство, черствость, злость, эгоизм, мелочность, хитрость, порок, гнев, недоверие, себялюбие.*

По итогам эксперимента можно определить следующие основные когнитивные признаки концепта “жадность” в политэкономической картине мира современного носителя русского языка:

1. Жадность является крайне негативным явлением, с которым ассоциируются *злость, холод, одиночество, порок.*

2. Жадность концептуализируется как желание что-либо спрятать, утаить (ассоциаты *кошелек, мешок, сундук*).

3. Жадность проецируется на материальный объект (*деньги, золото*), крайне редки контексты совмещения этого концепта с “идеальным” объектом.

4. Жадность является одним из показателей морального несовершенства человека наряду с *алчностью, эгоизмом, злостью, мелочностью, гневом, коварством, черствостью*.

5. Жадность является асоциальным явлением в русской политэкономической картине мира и ассоциируется с *одиночеством, злостью, гневом, эгоизмом, недоверием*. Жадный человек воспринимается пренебрежительно и осуждается, для его характеристики используется жаргонная, бранная лексика: *серость, плесень, мелочность, скряга, жлоб, жмот, скупердяй, зажим-контора*.

6. Жадность приписывается людям пожилого возраста (*бабка, старуха*), людям, связанными с финансовыми операциями (выдачей денег): *банкир, ростовщик; евреям и политикам*.

Проанализировав полученные данные, мы пришли к выводу, что политэкономическая картина мира в сознании современного представителя русской лингвокультуры в значительной степени детерминирована традиционной системой морально-этических норм, представлений и убеждений, основывающихся на догмах православного мировоззрения. Концептуализация “жадности” как порока, асоциального явления, неприятие “жадности” как стремления к материальным благам идет вразрез с установками, определяющими протестантскую систему взглядов на мир и капиталистическую формацию. “Жадности” присущи признаки гипертрофированности (*ненасытность, жаднящий, руки загребушие*), в то же время на прагматическом уровне проявляется неуважительное, пренебрежительное отношение к носителю данной характеристики: *жаденький, скупердяй, жлоб*.

Концепт является одним из базовых в русской политэкономической картине мира, что подтверждается разветвленностью синонимических рядов и оттенков значения соответствующих синонимов, а также значительной прагматической нагруженностью концепта (концептуализацией “жадности” как негативной оценки, гипертрофированности признака, использования имени концепта в качестве инвективы). В то же время, как показал эксперимент, *жадность* как имя концепта в русской языковой картине мира объективируется исключительно на материальные блага, в отличие, например, от лексем *скудость* (ср. *скупой на чувства, скупой на слова*). Основными когнитивными признаками концепта является “нежелание делиться чем-либо с кем-либо”, “стремление к накоплению материальных благ”, “корыстолюбие” и как таковому этому концепту присущи

негативные коннотации. Данная характеристика русской политэкономической картины мира не совпадает с основными принципами капитализма, в соответствии с которыми стремление к накоплению и увеличению материальных благ является полезным для экономики и общества в целом [12].

Таким образом, несмотря на констатируемую большинством исследователей экспансию западных капиталистических ценностей в современное русское лингвокультурное пространство, основные принципы православного мировоззрения (щедрость, аскетизм, отречение от материальных благ) остаются релевантными для большинства носителей русского языка.

Дальнейшую перспективу исследования мы видим в изучении особенностей функционирования морально-этических концептов, составляющих русскую политэкономическую картину мира, в современной политэкономической реальности (в анализе коммуникативных актов экономических субъектов), а также в сравнении специфики структуры и функционирования соответствующих концептов в так называемых социалистической и капиталистической экономических формациях. Подобные исследования способны выявить значимые когнитивные признаки концептов и реконструировать культурно-обусловленные фрагменты русской политэкономической картины мира.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пригожин А. И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление / А. И. Пригожин. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. — 402 с. — (Серия “Синергичная организация”).
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. — М. : Академический проект, 2004. — 992 с.
3. Гусев Д. А. Великие философы / А. Гусев, П. Рябов. — Астрахань : АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2005. — 580 с. — (“Великие и знаменитые”).
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения [пер. с нем. Ю. Н. Давыдов] / Макс Вебер. — М. : Прогресс, 1990. — С. 44–271.
5. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход / Т. А. Воронцова: автореф. дисс. — СПб : Новая книга, 2008. — 18 с.
6. Карачина О. Е. Опыт сопоставительного анализа нравственно-ценностных концептов в системе экономических ценностей русских и англичан / О. Е. Карачина. — М., 2010.
7. Райзберг Б. А. Психологическая экономика: Учеб. пособие / Б. А. Райзберг. — М. : ИНФРА-М, 2005. — 432 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М., 1998.

9. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 224 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова: Учеб. пособие. — М. : Слово/Slovo, 2000. — 624 с.
11. Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / И. А. Стернин, З. Д. Попова. — М., 2007. — 314 с.
12. Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего / Роберт Л. Хайлбронер / пер. с англ. И. Файбисовича. — М. : Издательство КоЛибри, 2008. — 432 с.